

Глава 8: Ни капли женственности!

Определившись с планами, Е Цин быстро прополоскала рот, умылась и приступила к завтраку.

Еда была самой простой: миска каши и кусок сухого хлеба.

Каша оказалась на удивление густой — если воткнуть в нее палочки, они даже не упадут. Это говорило о том, что в армии с продовольствием все в порядке, солдаты не голодают. А вот хлеб... Хлеб был твердым, сухим, так что откусить его было настоящим испытанием. Даже размоченный в каше, он оставался жестким и плохо жевался.

Справившись с завтраком и порядком утомив свои зубы, Е Цин потерла ноющую челюсть и болезненно застонала. Почти сразу в палатку вошел солдат — забрать ведро с водой и убрать посуду.

Как только он вышел, Е Цин, расхаживая по шатру, уже начала продумывать, как убедить Чэн Юйхоу отпустить ее. Но не успела она сосредоточиться, как снаружи раздался новый голос.

– Войдите! – сказала она.

Это оказался солдат, принесший отвар.

Ну что ж, раз уж она поела, то и лекарство тоже стоит выпить. Тем более, раны у нее все еще не зажили. А не выпьет — что, хуже будет? Не то чтобы она особо верила в эффективность этих лекарств, но раз дают, почему бы не принять.

Солдат, принесший отвар, явно думал, что ей потребуется время, чтобы его выпить, поэтому, поставив чашу на стол, уже собирался выйти. Но не тут-то было — Е Цин, не говоря ни слова, просто взяла чашу, нахмурилась, стиснула зубы и залпом выпила весь горький отвар.

Горечь ментально обожгла язык.

Она резко протянула пустую чашу стоявшему рядом солдату и, как собака, высунула язык, жадно хватая воздух.

Солдат ошарашенно принял чашу. Его взгляд говорил о том, что он сейчас наблюдает нечто редкостное.

В его понимании женщины — даже деревенские, простые и грубоватые — никогда не вели себя

так бесцеремонно. Ну, хоть какая-то женственность должна быть!

А Е Цин... Она выглядела как девушка, но вела себя совсем не как девушка. Развязная, шумная, абсолютно не заботящаяся о своем образе.

Вот на таких жениться... да это же позор! Кто вообще осмелится взять такую в жены?!

Солдат покачал головой, тяжело вздохнул, забрал пустую чашу и вышел.

Е Цин, конечно, не подозревала, что в глазах этого солдата ее образ окончательно рухнул, а сама она теперь считалась не иначе как совсем уж неподходящей женщиной. Она была занята другим — сидела на краю кровати, усиленно обмахивая ладонью язык и внутреннюю сторону рта, пытаясь хоть как-то избавиться от невыносимой горечи.

– Вот дерьмо! Что это за жуткое зелье?! Вчерашний отвар тоже был горький, но не настолько! Это хуже, чем горькая полынь, хуже, чем желтокорень! Да еще и язык онемел!

Она продолжала бормотать себе под нос, не переставая махать рукой, когда вдруг полог палатки приподнялся, пропуская внутрь человека.

Чэн Юйхоу наклонился, вошел, поднял голову — и застыл.

Перед ним сидела Е Цин, вытянув язык, и размахивала перед собой руками, словно щенок, пытающийся охладиться в жаркий день.

Он был озадачен.

Женщин он повидал немало, но такое... Такое он видел впервые.

Услышав шум, Е Цин подняла голову, увидела, кто пришел, и тут же втянула язык обратно. Она небрежно вытерла губы рукавом и с абсолютно принужденным видом сказала:

– А, ты пришел.

Позади Чэн Юйхоу стоял Ли Цю. Когда первый неожиданно застыл на месте, тот, разумеется, тоже остановился, но, не понимая причины, лишь терпеливо ждал.

Только когда Е Цин заговорила, Чэн Юйхоу вышел из ступора и двинулся вперед. Ли Цю последовал за ним внутрь.

– Ты... что это вообще сейчас было? – не сдержавшись, спросил Чэн Юйхоу.

Он, правда, не мог понять.

Ну ладно, знатные девушки из благородных семей — это одно. Они с детства учатся держать себя в строгости. Но даже обычные крестьянки всегда следят за своим поведением! Они скрывают лица, краснеют, если кто-то смотрит слишком долго...

А эта Е Цин...

Она вообще хоть раз стыдилась в своей жизни?!

Вот именно это в ней и удивляло его больше всего.

– Да ничего, – спокойно ответила Е Цин, потирая челюсть. Она слишком долго держала язык вытянутым, и теперь все мышцы свело. – Просто эта чертова настойка ужасно горькая. Вот я и обмахивалась, чтобы вкус быстрее прошел.

– И это помогает? – усмехнулся Чэн Юйхоу, в его глазах мелькнула искорка любопытства.

– Нет, – вздохнула Е Цин.

– Ну, тогда ничего не поделаешь. В армии нет сладостей или засахаренных фруктов, так что придется терпеть, – спокойно ответил Чэн Юйхоу.

– Да пустяки, всего-то немного горечи! – махнула рукой Е Цин. – В конце концов, когда я страдала от разбитого сердца, было куда хуже!

– Разбитого сердца? – Чэн Юйхоу слегка приподнял брови. Для него это выражение было внове. Он считал себя достаточно образованным, перечитал немало книг, но такого прежде не встречал. Может, это редкий, малопонятный термин?

Он обернулся к Ли Цю:

– Господин Ли, вы слышали о таком?

– Хм.... – Ли Цю задумался, нахмурился, затем ответил: – Никогда не встречал. А вы, генерал?

– Я тоже.

Е Цин, сидя на кровати, наблюдала за тем, как двое мужчин обсуждают "разбитое сердце", и чувствовала себя зрителем комедийного спектакля.

Вот только смеяться громко не решалась — а вдруг Чэн Юйхоу разозлится и действительно возьмет да и казнит ее?

Но, если честно, за эти дни произошло столько всего, что ее собственные переживания о несчастной любви... словно развеялись ветром. Осталась только легкая тень былой грусти.

Теперь, вспоминая, как из-за одного разбитого сердца она тогда прыгнула вниз...

Как же это глупо!

Да, люди легко поддаются эмоциям.

Если бы можно было вернуться назад, она бы точно не сделала бы этого снова.

Но сейчас... и в будущем... она, наверное, уже не сможет влюбиться.

Если они даже не знают, что такое разочарование в любви, то, что уж говорить о самой любви?

Видя, что Чэн Юйхоу не отступится, пока не разберется, Е Цин пришлось со вздохом объяснить смысл этих двух слов.

– Разбитое сердце? Любовь? – Чэн Юйхоу, наконец, понял, что имела в виду Е Цин, и даже нашел в этом нечто весьма точное и интересное.

– Да, да, любовь-разбитое сердце, – раздраженно махнула рукой Е Цин. – Не заикливайся на этом! Время покажет, поймешь.

– Ладно, – не стал спорить Чэн Юйхоу и, сменив тему, заговорил более серьезно: – Сегодня я пришел сказать тебе, что часть той информации, которую ты нам дала вчера, подтвердилась.

– О! Правда? Это же отлично! – Е Цин тут же оживилась и, позабыв про усталость, чуть ли не вскочила с кровати. – Тогда я могу уйти?

– Уйти? Ты действительно хочешь покинуть лагерь? – спросил Чэн Юйхоу, внимательно наблюдая за ней.

– Конечно! Я... я ведь девушка, – запинаясь, выпалила Е Цин. – Оставаться в военном лагере как-то неуместно! Лучше я уйду как можно скорее!

Она просто не могла допустить, чтобы ее ночной кошмар стал явью, поэтому впервые осознанно признала себя женщиной.

– В этом есть смысл, – усмехнулся Чэн Юйхоу. – Но ты оказала мне большую услугу. Пока боевые действия не начались, можешь остаться здесь.

– Нет-нет, так не пойдет! У меня есть дела, – поспешно возразила Е Цин. – Так что лучше я уйду!

– Ты так торопишься? – Чэн Юйхоу удивленно приподнял брови. – У тебя же ранения еще не зажили.

– Да ничего страшного! Я только что выпила лекарство — теперь все в порядке! – заявила Е Цин.

– Вот как... – Чэн Юйхоу задумался, а потом кивнул: – Раз так, я поручу кому-нибудь сопроводить тебя.

– Нет-нет, не нужно! – замахала руками Е Цин. – Я сама вполне справлюсь! Просто... просто дай мне меч, и все!

Чэн Юйхоу посмотрел на нее, затем кивнул:

– Хорошо. Тогда я верну тебе тот клинок, который ты нашла. Это был военный меч Королевства Силиан, но я прикажу стереть с него все опознавательные знаки.

– Спасибо! – искренне поблагодарила Е Цин.

– Значит, решено, – сказал Чэн Юйхоу. – Скоро тебе принесут оружие.

– Отлично! Спасибо! – кивнула она.

Раз уж решение было принято, дальнейшие разговоры теряли смысл.

Чэн Юйхоу и Ли Цю вышли из шатра и направились обратно в главный штаб.

По дороге Ли Цю вдруг задумался и спросил:

– Генерал, вы и правда собираетесь просто так отпустить госпожу Е Цин?

– А что мне еще делать? – Чэн Юйхоу пожал плечами. – Она хочет уйти. Разве я могу ее удержать?

Ли Цю внимательно посмотрел на него, но так и не смог понять, что же на самом деле у него на уме. Поэтому, решив больше не спрашивать, промолчал.

Вскоре в палатку принесли тот самый клинок — военный меч Королевства Силиан. Кроме того, вместе с ним передали небольшой сверток.

Развернув его, Е Цин увидела внутри новую одежду и отрез свежего шелка, очевидно, для смены и ухода за собой.

А еще там лежало несколько серебряных слитков — в общей сложности не меньше десяти лян, что по тем временам было весьма солидной суммой. Очевидно, эти деньги предназначались на дорогу.

Все это доказывало, что Чэн Юйхоу относился к ней с явным расположением.

Е Цин смотрела на вещи и не знала, что думать.

С одной стороны, она злилась на него — ведь именно из-за него она оказалась в этом теле.

Но с другой... он не знал, что это может с ней сделать. И, кроме того, он спас ей жизнь.

Теперь же — и одежду дал, и денег отсыпал. Разве можно сказать, что он плохо с ней обошелся?

В конце концов, она только вздохнула, решив, что вина и благодарность друг друга уравновешивают.

Так тому и быть.

Забрав все переданное, она вышла из палатки.

Под руководством солдата прошла через лагерь и, наконец, покинула военный стан, отправившись по большой дороге.

Прошло совсем немного времени, как позади раздался шум.

Она обернулась — и увидела, что армия снимает лагерь и начинает выдвигаться.

Очевидно, благодаря ее сведениям разведчики успели разведать обстановку за ночь, и теперь у Чэн Юйхоу было достаточно информации, чтобы начать поход.

У нее вдруг отлегло от сердца.

Если он одержит победу, это будет мстью за павших солдат Северного Легиона.

Если дух Чэнь Даху еще витает в этом мире, он наверняка был бы рад.

Долгая дорога впереди, горы сменяют друг друга без конца.

После нескольких дней изнурительного пути, пройдя три деревни, Е Цин наконец добралась до Чанъян — самого крупного города, расположенного ближе всего к границе Великой Нефритовой Династии.

Хотя Великая Нефритовая Династия и Королевство Силиан воевали, торговля между ними никогда полностью не прекращалась.

Как крупнейший торговый узел у границы, город Чанъян процветал благодаря бесконечной торговле. На въезде в город можно было увидеть длинные караваны, выстроившиеся в очередь на таможенный досмотр, а рядом, у другого воротного проема, через который проходили простые горожане, было свое, отдельное движение.

По пути Е Цин миновала три деревни — все они были небольшими. Поэтому, когда она впервые увидела такой огромный город, то испытала настоящее потрясение.

Городские стены возвышались на семь-восемь метров, сверху стояли воины с оружием, строго охранявшие подступы. На самих воротах тоже дежурили стражники, проверяя каждого входящего.

К счастью, времена сейчас беспокойные, и ношение оружия не вызвало ненужных подозрений. Особенно на границе, где люди носили мечи и кинжалы не ради нападения, а для самозащиты.

После обычной проверки, убедившись, что у нее нет ничего подозрительного, Е Цин беспрепятственно пропустили в город.

И тут перед ней открылась настоящая картина бурлящей жизни.

Шум голосов сливался в непрерывный гул, по улицам, выложенным камнем, туда-сюда сновали люди. Копыта лошадей громко цокали по мостовой, сливаясь с гулом повозок и разноголосых выкриков.

Все это вместе создавалось удивительную картину кипящего города.

Е Цин, словно любопытный ребенок, вертела головой во все стороны, впитывая каждый уголок этого мира.

Такой чистый, подлинный дух древнего города...

В ее прошлой жизни можно было посетить туристические киногородки, стилизованные под старину, но все это была лишь бутафория.

А вот здесь — все было настоящим.

На оживленной улице толпа текла бесконечным потоком, и в какой-то момент, отвлекшись, Е Цин случайно столкнулась плечом с прохожим.

Она среагировала мгновенно — схватила человека за руку, внимательно осмотрела его с головы до ног и с подозрением спросила:

– Ты что задумал?!

Подобные уловки карманников ей были прекрасно знакомы! Разве она могла так легко попасться?

– Что задумал я? Это ты что задумала! – возмутился незнакомец. – Мужчины и женщины не должны прикасаться друг к другу, так что не могла бы ты убрать руки?

Парень выглядел обычно — никаких особых примет, не похож на вора. Говоря это, он кивнул на ее ладонь, которая все еще крепко держала его за руку.

Е Цин подозрительно посмотрела на него, затем быстро нащупала свой поясной мешок.

Когда пальцы наткнулись на серебро, она облегченно выдохнула. Все на месте.

Только тогда она разжала хватку.

– Чокнутая! – фыркнул парень, раздраженно стряхнул руку и повернулся, чтобы уйти.

Е Цин тоже поняла, что, возможно, слишком остро среагировала.

Она подумала было извиниться, но, увидев, что парень и сам не собирается продолжать

разговор, просто махнула рукой и развернулась в другую сторону.

Но именно в этот момент, когда она отвернулась, парень, который только что собирался уйти, вдруг резко развернулся обратно.

Одним ловким движением он скользнул пальцами туда, где она только что проверяла свои деньги, и легким нажатием вытолкнул серебро из мешка.

Монета бесшумно выскользнула наружу, прямо в его ладонь.

А затем он развернулся и исчез в толпе — всего за пару секунд.

На улице люди сновали туда-сюда, и никто ничего не заметил.

Даже сама Е Цин.

Она даже не подозревала, что теперь действительно стала жертвой карманника.

Она по-детски восторженно продолжала гулять по городу, разглядывая улочки и лавки, а когда уже ближе к полудню почувствовала голод, то, недолго думая, зашла в роскошный ресторан.

Увидев, что вошел гость, молодой сотрудник, стоявший у входа, тут же бросился ей навстречу. Узнав, зачем она пришла, он радушно пригласил Е Цин пройти внутрь.

Ресторан возвышался на три этажа, и его внутреннее убранство выглядело роскошно и изысканно.

Войдя в двери и обогнув резной ширму, Е Цин оказалась в просторном зале, где ряды столов и стульев были расположены по кругу вокруг небольшой сцены.

На возвышении в центре танцевали шесть девушек в длинных красных платьях с широкими рукавами.

Музыка наполняла зал, а их движения были столь изящны и легки, что казалось, будто они парят в воздухе.

Грациозные изгибы тел, плавные взмахи рукавов, гибкие линии танца — в каждой позе сквозила женская нежность и очарование.

Неудивительно, что в этом ресторане всегда было полно посетителей.

Многих, вероятно, привлекала не только еда и чай, но и возможность насладиться таким зрелищем.

А сама Е Цин выбрала именно этот ресторан не случайно.

Просто проходя мимо, она услышала музыку, и она буквально притянула ее внутрь.

<http://bllate.org/book/16041/1431349>